Трубецкой
Революц. и нац. подъем
М., 1917.
92587.

НИЛ—Библиотека
ГИ135
Т886

Изданіе „Народное право“.

Институт В. И. Ленина
№
Библиотека
145-192
ГИ135
Т886 Р

Кн. Е. Н. Трубецкой.

Революція и національный подъемъ

(Съѣздъ партіи Народной Свободы 25—28 марта 1917 г.)

531.

Москва, 1917 г.

Складъ изданій:
Книжный складъ: „Народное право“.
Моховая, 14, тел. 1-28-59.

ТИПОГРАФІЯ
ПЕРЕПЛЕТНАЯ
СТЕРЕОТИПНАЯ

Г. ЛАМБЕРТЪ :: МОСКВА

Тел. 1-04-12

К. 84 ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 200 И135 Т886 Р
92587у
591.

Рѣчь, сказанная на засѣданіи партіи Народной Свободы въ Москвѣ 5 Апрѣля 1917 г.

Общее впечатлѣніе съѣзда для меня резюмируется двумя словами. Это—впечатлѣніе могучаго національнаго подъема. Быть можетъ никогда такъ ярко, какъ на съѣздѣ, не обрисовался основной парадоксъ современной русской жизни. Съ одной стороны это—эпоха величайшаго распада и величайшаго раздора; съ другой стороны, это—эпоха величайшаго національнаго подъема; эпоха наиболѣе могущественнаго дѣйствія той единящей силы національнаго самосознанія, которая не даетъ Россіи распасться на части. Распадъ есть первое, что поражаетъ всякаго, даже самаго поверхностнаго наблюдателя. Его мы видимъ и въ центрѣ, гдѣ онъ является въ видѣ грозной опасности двоевластія, и на мѣстахъ, гдѣ царитъ многовластіе. Въ каждомъ уѣздѣ, въ каждой волости—своя особая республика, свое особое учредительное собраніе, причемъ каждая республика законодательствуетъ по своему, не спросясь сосѣда и нерѣдко въ

противорѣчіи съ нимъ. Всюду комитетъ идетъ на комитетъ, партія на партію и классъ на классъ. Старыя учрежденія рушатся, а все то новое, что создается вмѣсто нихъ, служитъ предметомъ ожесточеннаго спора. Всюду у дверей монархія, всюду кажется, что вотъ—вотъ начнется междоусобіе. Но именно оттого, что всѣ опасаются анархіи, ужасъ анархіи не наступаетъ. Всѣ жаждутъ единства, для всѣхъ одинаково недопустима мысль о распаденіи государственнаго единства. И оттого-то такъ могущественны теперь всѣ объединяющіе лозунги; именно оттого они принимаются теперь съ небывалымъ раньше воодушевленіемъ и подъемомъ. Этимъ объясняется тотъ основной парадоксъ современной русской жизни, о которомъ я говорю. Эпоха наибольшаго раздора является въ тоже время и эпохой наиболѣе мирнаго объединенія, эпохой наиболѣе единодушныхъ общихъ рѣшеній.

Съ особой силой сказалось это единодушіе на только что состоявшемся съѣздѣ партіи Народной Свободы. Тамъ были въ особенности три яркіе момента, когда проявилась та единящая духовная сила, которою теперь держится Россія,—я говорю о провозглашеніи новаго образа правленія, о рѣчи

Ѳ. И. Родичева и о появленіи министровъ въ нашей средѣ.

Вы знаете уже изъ газетъ и изъ разсказовъ моихъ товарищей о томъ совершенно исключительномъ воодушевленіи, которое царило въ залѣ Михайловскаго театра, когда мы единогласно встали за республиканскій образъ правленія.

Чѣмъ объясняется единогласіе этого рѣшенія и тотъ взрывъ восторга, которымъ оно было встрѣчено? Вѣдь въ залѣ было множество лицъ, которые еще вчера были монархистами!..—Чѣмъ объясняется внезапность этой перемѣны?

Это былъ отнюдь не республиканскій пафосъ, а нѣчто высшее,—національный подъемъ, вызванный яснымъ сознаніемъ государственной необходимости. Я не говорю о томъ, что провозглашеніе монархіи въ данную минуту и въ особенности—попытка провести ее въ жизнь было бы равносильно призыву къ междоусобію. Партія Народной Свободы, какъ правильно замѣтилъ одинъ изъ ея лидеровъ, не есть «партія момента»; а потому и соображеній момента для нея было бы недостаточно, чтобы включить

республику въ программу для будущаго Россіи.

Были высшія соображенія, властно диктовавшія такое рѣшеніе. Мы всѣ ясно почувствовали, что отнынѣ вообще не монархія, а именно республика является формою правленія, наиболѣе обезпечивающей какъ государственное единство Россіи, такъ и ея свободу.

Теоретики-апологеты монархіи всегда подчеркиваютъ въ особенности одно ея преимущество. Монархическая власть, стоящая надъ классами и надъ партіями, является постольку выразительницей сверхпартійной правды въ государствѣ и потому самому — носительницей идеи государственнаго единства.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ это, можетъ быть, и вѣрно относительно монархіи «Божьей милостью». Династія, существующая въ силу вѣкового преданія народнаго, дѣйствительно можетъ, если она пользуется нравственнымъ авторитетомъ въ странѣ, быть, до нѣкоторой степени, независимой отъ классовъ и постольку независимой отъ партій. Но какъ разъ у насъ въ Россіи нить вѣкового преданія оборвалась. Авторитетъ династіи рухнулъ

въ бездну. И та монархія, которая могла бы у насъ вновь возникнуть, была бы не монархіей «Божьей милостью», а монархіей «волею народа».

Такая монархія была бы лишена единственнаго цѣннаго преимущества монархическаго образа правленія,—она была бы неизбѣжно партійной, классовой. Она могла бы осуществиться лишь благодаря какимъ либо популярнымъ демагогическимъ лозунгамъ, которые могли бы обезпечить успѣхъ, тому или другому претенденту на престолъ. А это былъ бы демагогическій цезаризмъ, т.-е. одна изъ самыхъ страшныхъ опасностей, какія могутъ угрожать Россіи въ будущемъ.

Я знаю, что такая опасность не устранена. Если республиканская Россія не выдержитъ экзамена на войну и на порядокъ,—то, подъ вліяніемъ утомленія и неудачи, неизбѣжна реакція въ широкихъ крестьянскихъ массахъ. Тогда то идеологи реакціи, которые теперь притаились и молчатъ, скажутъ, что «народъ не дозрѣлъ для свободы» и выдвинутъ простую платформу, которая будетъ имѣть успѣхъ: «Царь, земля и полиція». И явится царь, который дастъ полицію, дастъ землю, а «свободу» и «интеллигенцію» согнетъ въ бараній рогъ. Но это будетъ

уже не «царь Божьей милостью Николай II-ой», а какой нибудь «царь волею народа Емельянъ II-ой!» Да избавитъ Богъ Россію отъ такого ужаса. Вотъ почему тотъ патріотическій подъемъ, который мы теперь чувствуемъ, властно повелѣваетъ намъ теперь стоять за республиканскую форму правленія.

Тотъ же подъемъ сказался на съѣздѣ и въ томъ энтузіазмѣ, съ какимъ была выслушена вдохновенная рѣчь Ѳ. И. Родичева, выразившая общее наше отношеніе къ войнѣ.

Эта рѣчь была актомъ мужественной борьбы за Россію и за наши вѣковые народно русскіе идеалы. Къ сожалѣнію въ настоящее время приходится вести эту борьбу противъ цѣлой атмосферы, насыщенной удушливыми газами.

Отъ лицъ, бывшихъ на войнѣ, мы знаемъ, что изъ всѣхъ удушливыхъ газовъ, наиболѣе ядовитые вмѣстѣ съ тѣмъ и самые сладкіе—газы съ пряным приторнымъ ароматомъ. «Весна пришла, черемуха цвѣтетъ, сирень благоухаетъ»,—вотъ первое впечатлѣніе, которое они производятъ при вдыханіи. Но когда эта весна вольется въ вашу грудь, вы испытываете сначала дурманъ, потомъ тошноту

и наконецъ жестокія предсмертныя судороги. А за газовой волной слѣдуетъ неизмѣнно нѣмецкая атака, которая добиваетъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ.

Осмотритесь кругомъ, прислушайтесь къ тому, что говорится на митингахъ и на улицѣ; тогда вы поймете, что и мы, живущіе въ центрѣ Россіи, испытываемъ въ настоящую минуту дѣйствіе сладкой газовой волны.

О чемъ говорятъ теперь рѣчи демагоговъ? «Весна пришла,—вѣчный миръ народовъ, всеобщее братство, не нужно напрягаться для борьбы; не нужно ни работы, ни дисциплины; рай самъ собой придетъ на землю; не обижайте нѣмцевъ, они намъ братья».

Мы уже дождались отвѣта; теперь и нѣмцы машутъ намъ пальмовыми вѣтвями и усыпляютъ насъ сладкими рѣчами о любви къ русскому народу. Развѣ мы не прочли въ газетахъ, что они перекинули намъ черезъ границу цѣлый баллонъ,—виноватъ, я оговорился,—цѣлый запломбированный вагонъ съ большевиками, коихъ спеціальная миссія—распространять въ Россіи эти самые сладкіе удушливые газы.

Но не обманывайтесь! Когда сладкія рѣчи разшатаютъ дисциплину въ арміи, уменьшатъ производительность нашего труда, тогда то нѣмцы нанесутъ намъ тотъ страшный ударъ, который они теперь готовятъ и разслабленная дурманомъ Россія станетъ для нихъ легкой добычей.

Отъ этого ужаса можетъ насъ спасти только подъемъ сознательнаго и дѣятельнаго патріотизма,—того самаго, который выразился въ рѣчи Родичева! Не разслабляющій и наивный оптимизмъ прозвучалъ въ его призывѣ, а приливъ той мужественной энергіи, которая крѣпнетъ въ борьбѣ. Чѣмъ больше опасность, тѣмъ сильнѣе этотъ подъемъ, эта рѣшимость бороться до конца за Россію. Среди сладкаго большевистскаго дурмана, которымъ мы окружены, такіе бодрящіе призывы звучатъ, какъ набатъ вѣчевого колокола, напоминающій намъ о грозной опасности и о нашей отвѣтственности. Въ рѣчи Родичева мы почувствовали силу той волны, которая насъ несетъ.

Былъ на съѣздѣ и третій моментъ, когда то же національное воодушевленіе достигло апогея. Это были тѣ минуты, когда мы привѣтствовали въ нашей средѣ нашихъ министровъ.

Чѣмъ были до сихъ поръ для насъ министры? Это былъ символъ нашего внутренняго раздѣленія и распада, ибо старое правительство вело борьбу противъ всей Россіи и насъ раздѣляли, чтобы властвовать. Это былъ тотъ ненавистный «пятый фронтъ», который парализовалъ наши усилія и вырывалъ у насъ изъ рукъ побѣду надъ врагами, когда она становилась близкою и возможною.

Теперь, наоборотъ, министры—національная мечта, ставшая наконецъ жизнью, то выстраданное, завоеванное нами «правительство довѣрія», которое не разъединяетъ, а собираетъ вокругъ себя Россію, а потому олицетворяетъ собою наше національное и государственное единство. Вотъ почему мы такъ живо, такъ глубоко почувствовали единство Россіи, когда увидѣли этихъ министровъ, нашихъ министровъ въ своей средѣ.

Пусть это единство находится теперь подъ угрозой! Пусть намъ грозитъ кошмарный призракъ двоевластія! Чѣмъ реальнѣе, чѣмъ могущественнѣе эта опасность, тѣмъ сильнѣе наше стремленіе сплотиться воедино вокругъ этихъ собирателей земли русской.—Тѣмъ могущественнѣе наше воодушевленіе въ борьбѣ за Россію и ея единство.

Таково было настроеніе и таковъ былъ смыслъ съѣзда, смыслъ прежде всего національный, сверхпартійный. Всего меньше было на съѣздѣ лозунговъ партійныхъ въ тѣсномъ значеніи этого слова; всѣ чувствовали, что теперь — не время для партійнаго обособленія. Необходимость диктуетъ широкое національное объединеніе. Съѣздъ сумѣлъ подняться на сверхпартійную высоту: въ этомъ его историческое значеніе.

Въ заключеніе позвольте подѣлиться съ Вами впечатлѣніемъ, которое какъ бы резюмируетъ для меня смыслъ всего переживаемаго нами въ настоящіе историческіе дни.

Возвращаясь изъ Петрограда со съѣзда, проѣздомъ черезъ Тверь, я былъ пораженъ зрѣлищемъ только что вскрывшейся Волги.

Не скрою отъ Васъ, что первое впечатлѣніе мое было ужасно. Это было впечатлѣніе какого то отвратительнаго, грязнаго хаоса. Я видѣлъ безформенныя льдины, которыя несутся въ безпорядкѣ, кружатся, сталкиваются, налѣзаютъ другъ на друга, тонутъ... И сколько грязи и на ихъ поверхности! Сколько накопленнаго за долгую зиму человѣческаго и скотскаго навоза! Я подумалъ, — вотъ она

картина нашего современнаго русскаго распада!

Но если первое впечатлѣніе было ужасно, то второе впечатлѣніе было то же ощущеніе бодрости и могучаго подъема. И я говорю вамъ: не вѣрьте въ ледъ, потому что онъ разбитъ и тонетъ, не вѣрьте въ грязь, потому что она будетъ смыта. Вѣрьте въ тотъ могущественный потокъ, который все это уноситъ. И пронесетъ...

Вѣрьте въ радостный кличъ народной побѣды! Волга тронулась, господа! Вѣрьте же въ Волгу!

Институтъ В. И. Ленина

92587